

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОРОНЕЖСКОЙ ПАЛАТЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИМУЩЕСТВ В СФЕРЕ ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА

А. В. Степанцов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 17 сентября 2014 г.

Аннотация: *статья посвящена анализу деятельности Воронежской палаты государственных имуществ в сфере лесного хозяйства в первой половине 1840-х гг. Рассматриваются вопросы, связанные с лесоразведением, продажей лесного материала, охраной лесов и др.*

Ключевые слова: *Воронежская палата государственных имуществ, Воронежская губерния, лесное хозяйство, реформа П. Д. Киселева, государственные крестьяне.*

Abstract: *the article is devoted to the analysis of the activity of Voronezh Chamber of State Properties in the field of forestry in the first half of 1840s. The author studies the issues related to foresting, sale of the wood, forests' guarding and others.*

Key words: *Voronezh Chamber of State Properties, Voronezh province, forestry, P. D. Kiselev's reform, state peasants.*

Воронежскую палату государственных имуществ, подчинявшуюся Министерству государственных имуществ (далее – МГИ) во главе с П. Д. Киселевым и проводившую в Воронежской губернии реформу государственной деревни, современные исследователи характеризуют как элемент административной сельскохозяйственной системы Российской империи [1, с. 35]. Не подвергая сомнению этот тезис, следует отметить, что закон «Учреждение о управлении государственными имуществами в губерниях» от 30 апреля 1838 г. [2], регулировавший работу губернских палат государственных имуществ (далее – ПГИ), возлагал на них не только задачи по попечительству над государственными крестьянами в хозяйственной сфере, в том числе содействие развитию сельского хозяйства [2, ст. 33, 51, 243–275], но и обязанности по управлению государственным имуществом, в том числе лесами различных категорий: казенными единственным и общего владения, въезжими, спорными в ведении казны, крестьянскими, податными лесными участками и др. [2, ст. 9, 59–71, 392–485]. В настоящей статье рассматривается начальный этап деятельности Воронежской палаты государственных имуществ (далее – ВПГИ) в сфере лесного хозяйства в первой половине 40-х гг. XIX в.

Из вышеперечисленных категорий лесов в Воронежской губернии к 1841 г. имелись казенные леса единственным и общего владения казны и леса крестьянские [3, л. 32 об. – 33]. Задача управления лесами в ВПГИ, открытой 1 января 1839 г. [1, с. 34], возлагалась

на лесное отделение палаты во главе с губернским лесничим [2, ст. 9, 17], принадлежавшее по обширности казенных лесов губернии и получаемому от них доходу к третьему разряду [4]. Подведомственные отделению казенные леса единственного владения казны разделялись на округа и лесничества, в каждом округе ими ведал окружной начальник (освобожден от этой обязанности в 1843 г.), которому подчинялись окружной лесничий, лесничие и подлесничие [5, с. 27]. В Воронежской губернии округов было двенадцать [3, л. 57 об. – 58], но окружные лесничие в малолесную губернию не назначались, а определялись два лесных ревизора, четыре лесничих и восемь подлесничих [6].

Казенные леса общего владения казны с государственными крестьянами, частными лицами и ведомствами до размежевания причислялись к лесным округам, леса крестьянские считались предоставленными от казны селениям государственных крестьян и управлялись на одинаковом основании с казенными [2, ст. 463, 475].

Закон фиксировал основные предметы заботы ПГИ в отношении лесов (прежде всего, единственного владения казны): межевание и описание, введение правильного (научного) лесоводства, лесное хозяйство, охрана от истреблений, устройство лесного управления [2, ст. 60]. Под лесным хозяйством законодатель понимал в основном меры, направленные на извлечение дохода от продажи лесных материалов и использования лесов [2, ст. 63]. В данной статье термин «лесное хозяйство» используется в его современном понимании: система мероприятий,

направленных на воспроизводство и выращивание лесов, их охрану, регулирование лесопользования, контроль над использованием лесных ресурсов, обследование и учет лесов [7, с. 360]. Таким образом, рассматриваются все действия ВПГИ по управлению лесами.

В 1841 г. площадь подведомственных палате лесов Воронежской губернии, по данным ежегодных отчетов палаты, составляла: единственного владения казны – 79 203 десятины (дес.) 1853 сажени (саж.), общего владения – 139 539 дес. 1561 саж., крестьянских – 107 009 дес. 1637,5 саж. [3, л. 32 об., 97]. К 1842 г. некоторые показатели изменились: площадь лесов общего владения сократилась до 138 659 дес. 561 саж., а крестьянских лесов выросла до 112 022 дес. 1789,5 саж. [8, л. 46 об. – 47, 115]. Относительно пространства лесов к 1845 г. имеются следующие данные: 301 648 дес. 1289 саж. крестьянских и 65 374 дес. 92 саж. казенных [9, л. 71].

Изменение площади лесов происходило, как представляется, вследствие проводимых мероприятий по размежеванию лесов общего владения, возвращению незаконно удерживаемых в частном владении лесных пространств в казенное ведомство, передачи части казенных лесов в иные ведомства и других причин; подробных сведений об этом не имеется. По закону задача межевания и описания казенных лесов до подготовки профессиональных топографов возлагалась на землемеров лесных отделений ПГИ [2, ст. 401]. Объем работ был велик, затруднения встретились сразу же. Землемер лесного отделения ВПГИ в начале 1839 г. сообщил МГИ, что имеющиеся у него астролябия и межевая цепь находятся в неудовлетворительном состоянии, и просил заменить их, а также прислать ему готовальню, линейку, нивелир и клеймо для обозначения межевых столбов [10, л. 16 об. – 17 об.]. Необходимые для сверки с новым описанием старые планы на лесные территории (лесные дачи) у нерадивых лесничих были ветхи, изорваны по сгибам или даже совершенно порваны [11, л. 87 и об.].

Неудивительно, что при таких обстоятельствах успехи межевания и описания на начальном этапе были весьма скромными. В 1841 г. была произведена проверка границ лесов по Нижнедевицкому округу; проверка реального пространства лесных дач с планами Генерального межевания затронула две дачи площадью 1515 дес. 1413 саж. [3, л. 34 об.]. В 1842 г. поверялось уже 14 дач площадью 39 031 дес. 1728 саж., но по некоторым из них эту процедуру завершить не удалось [8, л. 50 и об.].

Межевание и описание лесов, выявление действительного их пространства должно было, по логике, стать первым шагом к введению в дальнейшем научного лесоводства; на первых же порах закон предписывал ПГИ вести «обыкновенное доброе хозяйство»

[2, ст. 408]. В своих отчетах Воронежская палата не уставала повторять, что состояние лесов губернии может быть улучшено путем очищения их от валежника, препятствующего произрастанию молодой поросли, правильного ведения оборота рубки, естественного и искусственного лесоразведения, вырубки больных деревьев и кустарника [3, л. 34, 38; 8, л. 49 об., 55 и об.]. Проводились ли эти меры в жизнь? Почти что нет. Как отмечал в 1843 г. воронежский губернатор барон Х. Х. Ховен, рубка в казенных лесах Нижнедевицкого округа производилась совершенно неправильно [12, л. 1], в другом округе об очистке лесов от постепенно сгнивающего бурелома никто из ответственных лиц не позаботился [13, с. 284]. Одним из немногих положительных мероприятий ВПГИ в сфере лесоводства можно считать опытный посев дубовых семян осенью 1842 г. Он проводился не в казенных, а в крестьянских дачах сел Большая Усмань Воронежского округа и Мечетка Бобровского округа на общей площади 11,5 дес. Впрочем, это было сделано не по инициативе палаты, а по предписанию товарища министра государственных имуществ [8, л. 48 об. – 49].

Обязанностью ПГИ по части лесного хозяйства (в узком смысле) было в основном получение казенного дохода от продажи лесных материалов и отдачи в оброчное содержание лесных оброчных статей; продажа производилась по установленным сметам и таксам [2, ст. 419–436]. В малолесной Воронежской губернии отпуск леса на продажу был не очень велик, в среднем на сумму до 14 000 руб. серебром в год, а реальный доход составлял и того меньше: 6571 руб. 81 коп. (доли копейки здесь и далее отброшены. – А. С.) в 1841 г. и 3803 руб. 71 коп. в 1842 г. [3, л. 35, 37 об.; 8, л. 51, 54 об.]. По свидетельству губернатора Х. Х. Ховена, продажа часто производилась с нарушениями: своекорыстные лесничие или брали сверх таксы лишние деньги и отправляли их в свой карман, или вообще тайно от казны распродавали лес по высоким ценам, с присвоением себе всех полученных денег, а управляющий ВПГИ Карачинский за взятку их покрывал [13, с. 284–285].

Ситуацию с отдачей ВПГИ нанимателям в содержание казенных лесных оброчных статей также нельзя было назвать удовлетворительной. Учет статей производился двояким образом: в тексте отчетов палаты за 1841–1842 гг. приводились данные только по рыбным ловлям и сенокосным полянам, а в прилагаемых к отчетам ведомостях в число оброчных статей включались также пчельники (пасеки). Доход от отдачи статей в оброчное содержание новым нанимателям и введения в оклад новых статей не превышал, согласно отчетам, 500 руб. в год. Впрочем, официальным цифрам особо верить не приходится, так как при подсчете доходов местами встречается

ся путаница, данные противоречат друг другу [3, л. 38 об. – 39, 100 об. – 101; 8, л. 56 об. – 57, 120 об. – 121]. На факт неполного и беспорядочного учета оброчных статей в Воронежской палате в начале 1843 г. указал глава МГИ П. Д. Киселев [14, с. 219].

Охрана лесов, вверенных ВПГИ, сводилась в основном к предотвращению незаконных самовольных порубок и потравы скотом молодой лесной поросли. Одной из принимаемых мер была ликвидация в 1842 г. лишних лесных дорог [8, л. 49], другой – учреждение постоянной лесной стражи. Дело об ее организации в лучших казенных лесах (Усманский Воронежского округа, Шипов Павловского округа, Теллермановский Новохоперского округа) проводилось под контролем МГИ с 1840 г. и к 1843 г. еще не было полностью завершено [15, л. 1–15, 100–148]. До введения постоянной лесной стражи лучшие казенные леса охраняла временная стража, а крестьянские леса – избранные из ближайших казенных селений полесовщики [3, л. 33 об., 38 об.; 8, л. 47 об. – 48 об., 56]. Губернатор барон Х. Х. Ховен сомневался в эффективности действий такой стражи: набранная из крестьян, нуждавшихся в лесных материалах, она сама допускала нарушения. На лесничих тоже не было надежды: за взятки самовольные порубки и потравы скрывались и покрывались, а иногда чиновнику выгоднее было наложить незаконно повышенный штраф и взять лишние деньги себе. «Лесная часть в самом жалком состоянии», – делал неутешительный вывод губернатор в начале 1843 г. [13, с. 284–286].

Даже согласно официальным данным, картина предстает мрачная: в 1841 г. самовольных порубок лесов в ведении ВПГИ было 246 на сумму более 13 000 руб., в следующем году – 235 на сумму порядка 60 000 руб. серебром. Взыскиваемые за вырубленный лес деньги и штрафы за порубку всего ущерба покрыть не могли, уплачивались плохо: в 1841 г. лесные недоимки составляли 143 509 руб. 8 коп., в 1845 г. – уже 235 072 руб. 17 коп. [3, л. 36–36 об., 37 об.; 8, л. 52–53 об., 54 об.; 9, л. 8 об.]. Ежегодно производилось около 100 следствий о порубках, но в 1841–1842 гг. оставались не решенными еще более 400 дел от прежнего времени. Правительству, знавшему об этом, ничего не оставалось, как специальными распоряжениями прекращать дела, прощать виновных, предоставлять рассрочку на уплату лесных недоимок государственным крестьянам [3, л. 36, 37, 39 и об.; 8, л. 52 об. – 53 об., 57].

Разумеется, незаконно рубили лес не только государственные крестьяне, однако можно предполагать, что последние весьма активно шли на это преступление из-за острой потребности в лесных материалах. Особую нужду испытывали жители казенных селений, не имеющих лесов: по действовавшему закону 1808 г. они могли только покупать лес [16]; закон

о наделении их лесными участками из казенных лесов был принят только в 1847 г. [17].

Казенным селениям, имевшим леса, выделялись из них «для продовольствия» (но не для заготовки леса на продажу) временные участки [2, ст. 476], но отпускаемого из них по сметам на вырубку бесплатного леса государственным крестьянам на удовлетворение домашних нужд, как признавались в ВПГИ, не хватало [3, л. 37]. В 1843 г. крестьяне Задонского округа остались без участков, крестьяне Павловского округа сами отказались от них, объясняя, что участки не могут удовлетворить самых необходимых нужд [18, л. 80]. Подраставший лес, в целях сохранения лесных массивов, вообще никому не отпускался, за исключением деревьев, имевших признаки внешнего и внутреннего повреждения [3, л. 34; 8, л. 49 об.]. Из распространенного в Воронежской губернии дубового леса в крестьянских дачах разрешалось рубить только деревья, признанные Морским министерством не годными для кораблестроения [18, л. 79 об.–80]. Однако в 1843–1845 гг. ВПГИ добились разрешения для казенных поселян рубить дровяной и явно негодный дубовый лес, не касаясь здорового строевого, сначала в некоторых, а затем практически во всех крестьянских дачах [9, л. 66 об. – 67; 18, л. 79 об. – 81]. Немного раньше была разрешена и упрощена процедура предоставления крестьянам участков из лесов общего владения с помещиками [18, л. 78 об. – 79 об.]. Эти, безусловно, положительные начинания палаты хотя бы немного облегчали жизнь государственных крестьян; правительство же корректировало жесткий курс на всемерное сохранение лесов.

Таким образом, деятельность ВПГИ в сфере лесного хозяйства в первой половине 1840-х гг. носила противоречивый характер, до 1843 г. негативные тенденции явно преобладали, затем появились позитивные результаты. Возможно, это было связано со сменой управляющего палатой в конце 1842 г. [18, л. 129], а также с помощью и вмешательством в дела палаты губернатора [9, л. 66 об.; 12, л. 1–3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Пыльцина М. В. Правовые основы учреждения и деятельности Воронежской палаты государственных имуществ / М. В. Пыльцина // История государства и права. – 2012. – № 9. – С. 33–36.
2. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собрание второе. – СПб., 1839. – Т. XIII. Отделение первое. – № 11189. – Часть первая. Учреждение Палаты Государственных Имуществ.
3. Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). – Ф. И-24. – Оп. 1. – Д. 70.
4. ПСЗРИ. Собрание второе. – СПб., 1839. – Т. XIII. Отделение второе. – Приложение к № 11189. Штаты и таблицы. 30 апреля 1838 г.

5. Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности министерства государственных имуществ, 1837–1887. – СПб., 1888. – Часть III. Государственные имущества. – Отдел II. Управление казенными лесами.
6. ПСЗРИ. Собрание второе. – СПб., 1840. – Т. XIV. Отделение второе. – Приложение к № 11978. Штаты и таблицы. 30 января 1839 г.
7. Энциклопедия лесного хозяйства : в 2 т. – М., 2006. – Т. 1.
8. ГАВО. – Ф. И-24. – Оп. 1. – Д. 127.
9. ГАВО. – Ф. И-24. – Оп. 1. – Д. 214.
10. ГАВО. – Ф. И-24. – Оп. 1. – Д. 19.
11. ГАВО. – Ф. И-24. – Оп. 2. – Д. 1.
12. ГАВО. – Ф. И-24. – Оп. 1. – Д. 177.
13. *Ховен Х. Х.* Чиновничье грабление крестьян в Воронежской губернии / *Х. Х. Ховен* // Русский архив. – 1907. – № 6. – С. 282–286.
14. *Дружинин Н. М.* Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева / *Н. М. Дружинин*. – М., 1958. – Т. 2.
15. ГАВО. – Ф. И-24. – Оп. 1. – Д. 68.
16. ПСЗРИ. Собрание первое. – СПб., 1830. – Т. XXX. – № 23217.
17. ПСЗРИ. Собрание второе. – СПб., 1848. – Т. XXII. Отделение первое. – № 21488.
18. ГАВО. – Ф. И-24. – Оп. 1. – Д. 158.

Воронежский государственный университет
Степанцов А. В., аспирант кафедры истории России
E-mail: mravstep@yandex.ru
Тел.: 8-950-769-36-75

Voronezh State University
Stepantsov A. V., Post-graduate Student of the Russian History Department
E-mail: mravstep@yandex.ru
Tel.: 8-950-769-36-75